

ГОЛЛЕРБАХ Л. Ф. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ГОЛЛЕРБАХ Лев Федорович, родился в 1887 в Царском Селе Санкт-Петербургской губ. (отец, Голлербах Федор Георгиевич; мать Голлербах Эмилия Адольфовна). В 1915 — окончил Петроградский Горный институт. Во время учебы работал инструктором мартеновских печей на артиллерийских заводах, затем — лаборантом в мастерских института. В 1915 — призван в армию, служил в Запасном саперном батальоне, в 1916 — окончил офицерскую электротехническую школу и ускоренный курс радиотелеграфии, служил в радиочастях 12-й армии на Северном фронте, в марте 1918 — демобилизован. С осени 1918 — в Красной армии, в Управлении инспектора радиотелеграфа, преподаватель в полевой радиотелеграфной учебной команде. В 1920-х — проживал в Детском Селе, работал инженером на заводе имени Казицкого, с 1932 — на проектной работе в технологическом секторе Гипроэспрома. Женат на Людмиле Алексеевне Голлербах, в семье — сын Сергей. 16 марта 1935 — арестован, 5 апреля выслан с семьей и матерью жены из Ленинграда в Воронеж на 5 лет. Работал инженером на заводе "Электросигнал".

ГОЛЛЕРБАХ Людмила Алексеевна, родилась в 1890-х (отец Агапов Алексей Алексеевич, директор Воронежского кадетского корпуса, генерал; мать Агапова Александра Алексеевна). Окончила гимназию, с 1916 — служила классной наставницей в этой гимназии, после революции — в советских учреждениях. В 1925 — вышла замуж за инженера Льва Федоровича Голлербаха, в семье — сын Сергей. Занималась домашним хозяйством и воспитанием сына, в 1930-х — училась на Высших курсах иностранных языков (по немецкому отделению). 5 апреля 1935 — выслана с семьей и своей матерью из Ленинграда в Воронеж на 5 лет, продолжила занятия на курсах иностранного языка.

ГОЛЛЕРБАХ Сергей Львович, родился в 1923 (отец Голлербах Лев Федорович; мать Голлербах Людмила Алексеевна, урожд. Агапова). Проживал с родителями в Детском Селе Ленинградской области, учился в школе. 16 марта 1935 — выслан с родителями и бабушкой из Ленинграда в Воронеж на 5 лет.

В 1936 — Лев Федорович обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<1936>

«Екатерине Павловне ПЕШКОВОЙ

б<ывшего> ст<аршего> инженера
Технологического Сектора Гипроэспрома,
в настоящее время инженер завода
"Электросигнал" в г<ороде> Воронеже
ГОЛЛЕРБАХ Льва Федоровича.

З А Я В Л Е Н И Е

Убедительно прошу Вас, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, помочь мне в деле моего восстановления в праве свободного проживания по всей территории СССР, которого меня лишили органы НКВД весной прошлого года, выслав из г<орода> Ленинграда (вернее из г<орода> Детского Села) в г<ород> Воронеж.

На мои заявления с просьбой о пересмотре вопроса о высылке, поданные весной Особоуполномоченному У<правления> НКВД по

Ленинградской области и Областному Прокурору я получил от первого отказ, от второго не получил вовсе ответа.

Осенью прошлого года я послал заявление с просьбой о содействии в деле моего восстановления своему Наркому — тов<арищу> Орджоникидзе с подробным изложением дела и с приложением ряда документов, однако и на него ответа я до сих пор не получил.

Моральное состояние, в котором я нахожусь в результате высылки, чем дальше, тем становится все более подавленным, т<ак> к<ак> все сильнее ощущаются последствия этой высылки, случайность и несправедливость ее. Многие тысячи Ленинградских жителей с показателями в части соц<иального> прошлого много худшими, чем у меня, и даже совершившие в прошлом преступления против Советской власти, продолжают спокойно проживать в Ленинграде, я же с первых дней революции честно служивший Советской власти и хотя и в скромной роли участвовавший в гражданской войне и в строительстве социализма, пользовавшийся доверием представителей партии и Советской власти и оправдавший таковое, был на 18-м году после революции объявлен органами НКВД классовым врагом, не заслуживающим доверия и ответственным за преступные действия врагов Советской власти.

Подробности моего дела таковы:

16-го марта прошлого года я был арестован, 9 дней продержан в ДПЗ, а затем мне было предложено вместе с семьей, состоящей из жены Людмилы Алексеевны Голлербах, матери ее Александры Алексеевны Агаповой, 74 лет, и сына Сергея, 11 лет, выехать на новое место жительства "минус 15".

Я выехал в г<ород> Воронеж в надежде, что Главэспром согласится содействовать приему меня на работу заводом "Электросигнал", в проектировании которого я принимал участие в бытность мою инженером Гипроэспрома.

Действительно, начальник Главэспрома тов<арищ> ЛЮТОВ, учитывая, по-видимому, мою безупречную службу в течение 14 лет в Электрослаботочном объединении, разрешил дать мне направление на этот завод и я, распродав срочно за гроши значительную часть вещей для получения средств на выезд, переехал с семьей в Воронеж, где был принят заводом на работу исключительно благодаря имевшемуся направлению, т<ак> к<ак> вообще завод адм<инистративно> высланных на работу не принимал.

Это неожиданное переселение и положение адм<инистративно> высланного действует угнетающе на моральное состояние и не дает возможности спокойно и плодотворно работать, не говоря уже о вызванном резком ухудшении материальных и бытовых условий.

На допросе следователь назвал меня классовым врагом, в справке же, выданной впоследствии Воронежским УНКВД на предмет получения паспорта, было указано мое социальное прошлое: сын купца, домовладельца, офицер царской армии.

В пояснение этого сообщаю о себе нижеследующее, подтверждаемое прилагаемыми копиями документов и могущее быть подтвержденными всеми знающими меня и мою семью, а знают меня и знали моих родителей очень многие, в особенности в гор<оде> Детском Селе, где я родился, вырос и проживал до последнего времени с небольшими перерывами 48 лет.

Родился я в семье ремесленника, имевшего в Детском Селе кустарную мастерскую-булочную и кондитерскую, в которой до конца ее существования сам работал мастером. Количество наемных работников колебалось в среднем в пределах не более 8-10 человек. До этого он работал много лет по найму. Капитала не имел, а на сбережения к

старости приобрел в 1916 году маленький бездоходный дом на окраине г<орода> Детского Села, где и поселился после ликвидации своей мастерской в конце 1916 года.

После этого в 1918 и 1919 г<одах> он служил по найму в детском приюте, а затем после моего возвращения из Красной армии был на моем иждивении до своей смерти, последовавшей в 1926 г<оду>. Мать моя дочь столярного мастера умерла в 1923 году.

Я окончил Ленинградский Горный Институт по заводскому отделению в 1915 году. В бытность студентом давал уроки, а затем служил в 1914 году в качестве инструктора мартеновских печей в Правлении Русского Акционерного Общества Артиллерийских заводов, а в 1915 году в качестве лаборанта в Объединенных Мастерских Ленинградских Высших Учебных Заведений. В конце 1915 года по окончании института был призван на военную службу, как ратник ополчения, служил в качестве нижнего чина в 6-м Запасном Саперном батальоне, был затем направлен в школу подготовки прапорщиков инженерных войск, произведен в прапорщики 1-го июля 1916 года, направлен в Офицерскую электротехническую школу, в которой прошел ускоренный курс радиотелеграфии, а потом был отправлен на Северный фронт, где прослужил в радиочастях 12-й армии до марта 1918 года в должностях: офицер для поручений при командире дивизиона (на работе по руководству радиосвязью армии), затем начальника передовых радиотелеграфных мастерских и склада 12-й армии и наконец, после Октябрьской революции был выбран солдатскими массами на должность помощника командира 12-го радиотелеграфного дивизиона по технической части.

В марте 1918 г<ода> демобилизовался, а затем после 4-х месячной болезни добровольно поступил на военную службу (осенью 1918 г<ода>) сперва в Управление Гл<авного> Начальника Военного Радиотелеграфа, влившегося впоследствии в ГВПУ, затем добровольно поехал на Северный, впоследствии Западный фронт, где занимал в Управлении Инспектора Радиотелеграфа фронта последовательно должности инженера для поручений, начальника радиотелеграфных мастерских и склада фронта и, наконец, был преподавателем в полевой радиотелеграфной учебной команде Зап<адного> фронта.

По вызову из Москвы был в ноябре 1920 года направлен в распоряжение УСКА Полевого штаба Республики, которое командировало меня на завод быв<ший> Сименс (ныне завод им<ени> Казицкого) для усиления штата по ремонту полевых радиостанций военного ведомства.

Не чувствуя себя достаточно подготовленным в области радиотехники, с одной стороны, с другой стороны, считаясь с затишьем в первые годы революции в области металлургической промышленности и с состоянием здоровья, подорванного на военной службе, я остался на заводе Казицкого, но перешел на работу по линии технического нормирования и экономики труда, причем занимал должности зав<едующего> ТНБ и зав<едующего> ОЭТ с 1923 года по 1932 год, когда был переведен на проектную работу в Гипроэспром, в котором и работал до момента высылки.

За все время службы как в Красной армии, так и на заводе Казицкого и в Гипроэспроме я работу выполнял честно и добросовестно, не имея за все время никаких взысканий, что подтверждается прилагаемыми копиями послужного и трудового списков. Всегда пользовался доверием солдатских, красноармейских и рабочих масс, директоров, партийных и профессиональных организаций, был засекречен на заводе, а с декабря 1934 г<ода> и в Гипроэспроме, причем, старые члены партии поручились за мою благонадежность без всяких колебаний.

Из числа знающих меня старых членов партии могу указать следующих: директор Гипроэспрома В. И. Дорофеев, инженер Гипроэспрома Меншутин, т<оварищ> Белунский (зав<едующий> Казицкого), инж<енер> Кузьмичев (Гипромез), Р. И. Юргелас (зав<едующий> Электроприбора), М.А. Коршунов (Ленин<градское> Управл<ение> Связи), А. Н. Жилинская (Ленинград<ский> Университет) и ряд других.

Мою жену знают как активного работника Осоавиахима нач<альник> отдела СОК Ленинградского Областного Совета Осоавиахима тов<арищ> Заводчиков и работники Осоавиахима Московско-Нарвского района.

Состою в запасе Начсостава Красной армии в должности Нач<альника> радиостанции, член союза с 1920 г<ода>, член ИТС с 1923 года, последняя общественная работа — уполномоченный кассы взаимопомощи при ЛенКомбите. Под судом и следствием никогда не был и органами ГПУ и НКВД никогда не привлекался. Был всегда предан Советской власти и считал, что она одна способна создать новую счастливую жизнь и превратить Россию в великую передовую страну.

За границей я никогда не был и связи с ней не имел и не имею, т<ак> к<как> нельзя считать за связь наличие в Германии трех одиноких старух теток, сестер покойной матери, мелких служащих, выехавших из России еще до революции, с которыми я не вел и не веду никакой переписки.

Несмотря на немецкую фамилию (дед мой был выходцем из Баварии), я вполне русский по воспитанию, характеру и духу и никогда никаких симпатий к Германии, в особенности фашистской не питал и не питаю. Всегда относился отрицательно к попыткам иностранцев вмешаться в русские дела и готов встать на защиту своей социалистической родины от кого бы то ни было.

Жена моя (женился в 1925 г<оду>) дочь б<ывшего> военного педагога, умершего в 1912 г<оду>. Он был специалистом по воспитанию дефективных детей, имел по этому вопросу печатные труды. Домов, земли и капиталов не имел. Генеральский чин получил лишь при отставке.

Жена моя по окончании гимназии служила до революции в качестве классной наставницы в средней школе, а после революции до замужества служила в советских учреждениях. В последнее время она обучалась на высших курсах иностранных языков и высылка заставила ее бросить занятия за два месяца до получения диплома преподавательницы иностранных языков, что вместе с положением адм<инистративно> высланной весьма затрудняет получение ею в Воронеже уроков. В течение трех последних лет она была активным членом Осоавиахима, создала в г<ороде> Детском Селе коллектив владельцев служебных собак, обучавших последних сторожевой работе как для охраны колхозов, так и для службы в Красной армии. Была уполномоченной этого коллектива.

За организацию осенью 1934 г<ода> охраны урожая колхоза "Тярлевская Искра" собаками была премирована Райсоветом Моск<овско>- Нарвс<кого> района, как одна из лучших активисток (Д<етско>- С<ельский> коллектив принадлежит Московско-Нарвскому району г<орода> Ленинграда).

Одним из моих "грехов", как видно из прилагаемой справки Воронежского У<правления> НКВД, является еще то, что я сын купца и бывш<его> домовладельца.

Первое опровергается прилагаемой копией свидетельства Петербургской Ремесленной Управой, в протоколе же допроса следователь не исправил по моему настоянию слова купец, а лишь приписал к нему слово ремесленник.

Что касается второго, то мой отец не имел домов, кроме небольшого бездоходного дома на окраине г<орода> Детского Села, ул<ица> Глинки, 27, приобретенного им в 1916 году, который не был муниципализирован в виду его малого размера и ветхости, и в котором проживали лишь я и мой брат с семьями и родителями иждивенцами, фактическими владельцами были брат и я, т<ак> к<ак> несли все расходы по дому. После смерти отца дом перешел к нам по наследству по Советским законам, и мы им владели до сего времени на правах служащих владельцев бездоходного дома.

Всю свою жизнь я вращался исключительно в среде трудящихся-ремесленников и трудовой интеллигенции, с дворянством и капиталистами я не имел ничего общего, если не считать женитьбы на дочери б<ывшего> дворянина, педагога, военнослужащего, с которой я познакомился лишь после революции в 1923 г<оду> и за преданность которой, а также ее престарелой матери Советской власти я вполне ручаюсь.

Возможно, что на мою судьбу повлияли следующие два обстоятельства. Первое, это сдача мною при аресте пяти патронов от автоматического пистолета Маузер № 2, который я приобрел в 1925 г<оду> в ГПУ и которым владел 6 лет, имея соответствующее разрешение. 4 года тому назад я был вызван в ГПУ, и мне было предложено сдать оружие, что я и сделал, причем, в выдаче квитанции мне было отказано. Отчета в израсходовании патронов от меня потребовано не было. Из 25 штук 7 было сдано вместе с револьвером, 13 израсходовано на упражнения в стрельбе и стрельбу в воздух при налетах грабителей, 5 же остались у меня, и я их сразу не сдал, рассчитывая снова исходатайствовать разрешение на оружие, впоследствии же я о них забыл.

Следователь стал меня обвинять в снабжении патронами контрреволюционной организации и сказал, что все остальное пустяки, а за патроны мне "припаяют". Однако в У<правлении> НКВД, где я получал направление на выезд, мне заявили, что никаких обвинений против меня нет, и что меня выселяют как "бывшего человека".

Второе обстоятельство — это наличие у моей жены брата, б<ывшего> офицера, служившего непродолжительное время по мобилизации у белых, который был выслан за это в концлагерь и который сообщил на допросе мой адрес. Познакомился я с ним лишь в 1924 г<оду>. Своего прошлого он не скрывал, служил на заводах, в последнее время на заводе "Электроприбор", где был на хорошем счету, как старший конструктор и неоднократно был премирован.

Считаю, что и это обстоятельство также не может быть причиной моей высылки, так как за прошлое брата жены я ни в коем случае отвечать не могу.

Все изложенное было мною сообщено следователю при допросе, но изложено в протоколе не точно и сокращенно в таком виде, что я согласился подписать протокол лишь после длительных пререканий со следователем, утомленный 4-х часовым допросом.

Считаю, что ряд партийцев, с которыми мне приходилось работать на протяжении 17 лет могли лучше меня узнать, чем следователь-практикант НКВД за несколько часов допроса. Работая при Советской власти 17 лет, я всегда гордился оказываемым мне доверием и старался это доверие оправдать. Недоверие, высказанное мне на 18 году службы при Советской власти и вылившееся в факте удаления моего из г<орода> Ленинграда глубоко меня оскорбляет и незаслуженно создает для меня весьма тяжелые условия работы и существования, в то время как для остальных трудящихся жизнь делается все легче и веселее.

Так, например, приходится мириться с оплатой ниже нормальной, с квартирой в 4 этажа недостроенного дома, находящегося в поле далеко от завода, не имеющую водопровода, канализации, исправного отопления и пр<очее>, в которую завод меня поселил, в отличие от прочих ИТР, приехавших по добровольному соглашению.

Положение адм<инистративно> высланного не дает возможности проявлять необходимую в работе настойчивость и твердость для пользы дела.

Далее я лишен возможности поехать за остатками своих вещей и технической библиотекой, в которой крайне нуждаюсь, и которая была мною оставлена в Детском Селе до выяснения вопроса о жилплощади в г<ороде> Воронеже, на основании полученного мною в Ленинграде У<правления> НКВД при отъезде заверения, что я являюсь лишь переселенцем, имеющим право на кратковременный въезд в Ленинград. Однако до сего времени я дважды получал от Ленинградского УНКВД отказ на мое ходатайство о разрешении приезда на 10 дней для окончательной ликвидации и вывоза крайне необходимых мне и моей семье для нормального существования и работы мебели (кроватей, столов, стульев), вещей и книг, которые к тому же начали подвергаться расхищению.

Получение отказов (последний в октябре) в разрешении даже на кратковременный приезд в Ленинград совершенно не вяжется с тем, что я имею самый обыкновенный паспорт и принят на учет Воронежским военкоматом, как командир запаса Красной армии по должности Нач<альника> радиостанции.

В заключение считаю необходимым отметить, что хотя к сожалению мне и не удалось выделиться какими либо особыми заслугами, которые бы с избытком покрыли все мои "грехи", как например, службу в царской армии в офицерском чине, происхождение не из пролетарской семьи и т<ак> д<алее>, однако все же некоторую пользу я принес и в Красной армии во время гражданской войны и впоследствии в Советской промышленности. Надеюсь и впредь приносить пользу, в особенности в случае положительного результата настоящего моего ходатайства, который бы вывел меня из тяжелого, угнетенного состояния, вызванного положением адм<инистративно> высланного и влил бы новые силы для дальнейшей работы на пользу нашей великой Социалистической Родины.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

1. Копия трудового списка.
2. Выписка из послужного списка (по 1926 год)
3. Копия справки Петербург<ской> Ремесленной Управы.
4. Копия справки Воронежского У<правления> НКВД.
5. Выписка из воинского билета.

26/II 36 г<ода>.

подпись (Л. Голлербах)

Адрес: Воронеж, Задонское шоссе, завод "Электросигнал"»¹.

5 апреля 1936 — по ходатайству юридического отдела Помполита высылка семье Льва Федоровича Голлербаха была отменена, но вернуться в Пушкин Ленинградской области не могла, так как Александре Алексеевне Агаповой высылку не отменили. Летом Лев Федорович Голлербах с женой и сыном вернулись в Пушкин Ленинградской области.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1587. С. 183-185. Машинопись, подпись — автограф.

В 1938 — Лев Федорович Голлербах был арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1943 — скончался там.

Людмила Алексеевна Голлербах после окончания Педагогического института преподавала иностранный язык в Индустриальном институте в Ленинграде. В 1941 — с семьей оказалась в оккупации, в 1942 — вывезена с сыном на принудительные работы в Германию. После 1945 — проживала в Западной Германии, давала частные уроки русского языка. Педагогическую деятельность продолжила в США, жила и работала в Нью-Йорке. 24 января 1980 — скончалась в Нью-Йорке².

Сергей Львович Голлербах по возвращении в Пушкин окончил девять классов средней школы. Накануне войны начал учиться в Художественной школе при Ленинградской Академии Художеств. В 1941 — оказался с матерью в оккупации, в 1943 — вывезен с ней на принудительные работы в Германию. В 1945 — бежал в Баварию, окончил несколько курсов Мюнхенской академии художеств, в конце 1949 — оказался в Америке, прошел тяжкий путь эмигранта, пробился и стал известным живописцем (его работы можно увидеть в крупнейших музеях мира). Кроме художественного таланта известен и как превосходный мастер прозы в Германию³.

---

² Голлербах Сергей Львович. tez-rus.net/ViewGood38623.html...

³ Голлербах Сергей Львович. tez-rus.net/ViewGood38623.html...